

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

И. В. Кормушин

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕТЮРКСКИМ РУНИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ. I

Среди крупных древнетюркских рунических надписей наибольшее значение как исторические источники имеют тексты памятников КТ, БК и Тон¹. Первые два вообще явились ключевыми как в дешифровке самого сибирско-монгольского руноподобного (теперь уже прочно вошло в обиход: тюркского рунического, в отличие от германского рунического) письма, так и в интерпретации исторических сведений, содержащихся в них самих, а также в Тон, в других монгольских² и частично енисейских памятниках. Исключительность кошо-цайдакских³ стел объясняется следующими факторами.

Во-первых, протяженностью и связностью текстов. Огромные, без преувеличения, тексты (свыше 2 тыс. слов) складываются в последовательный, связный, без ощутимых перерывов рассказ о множестве реальных событий.

Во-вторых, повторяемостью текстов. Оба текста написаны от имени одного лица — Бильге-кагана⁴. Большая часть текста КТ впоследствии была включена в текст БК; эпизоды, посвященные лично Кюль-тегину, его детству, его героизму в битвах (в строках с 30 по 51 КТ), в БК выпущены, а изложение событий (военные походы 700—716 гг. н. э.), которое велось в этом месте КТ от 1-го лица множественного числа («мы ходили войной на тех-то»), в БК ведется от 1-го лица единственного числа. По существу, в памятниках КТ и БК мы имеем дело с двумя редакциями одного текста.

¹ Данные о памятниках и расшифровку условных обозначений см.: ДТС, с. VII, XXII, XXVII—XXX.

² В статье везде в географическом смысле.

³ По имени урочища Кошо-Цайдам в долине р. Орхон, где установлены памятники КТ и БК; см.: ДТС, с. XXII, XXVII.

⁴ С небольшой вставкой в БК, записанной уже от имени сына Бильге-кагана, о чем особо ниже.

Повторяемость текстов КТ и БК на значительном протяжении придает необычайный авторитет, я бы сказал — незыблемость, самим текстам при всех научных упражнениях, как бы заранее сводя до минимума палеографические и филологические конъектуры. Кроме того, дублированность текстов позволяет восстановить некоторые несохранившиеся места (в каждом случае для одного из памятников по сохранившейся части другого), притом что и сохранность каждого из текстов относительно хорошая. Внескольких, по важных случаях более поздний текст БК предоставляет возможность «исправить» текст КТ.

В-третьих, довольно строгой литературной нормированностью языка памятников. Этот фактор, в общем, действителен и в отношении большинства остальных рунических памятников, но в сочетании с другими в КТ и БК он выступает ярче.

В-четвертых, внутренней организованностью текстов по определенным правилам. По-видимому, все тюркские рунические памятники эпиграфики построены по аналогичным или сходным правилам, но именно на больших и связных текстах КТ и БК могут быть с наибольшей ясностью выявлены эти правила и затем уже применены при истолковании ущербных, лакунарных или просто спорных для понимания текстов.

В-пятых, точной датированностью текстов и многих описываемых в них событий. На кошо-цайдамских стелах помимо тюркского находятся китайские тексты⁵, составленные от имени императора Китая. В китайском тексте КТ содержится точная династийная дата «кай-юань, 20-й год», переводимая на нынешнее летосчисление следующим образом: 20-й год от начала периода правления, для которого императором избран девиз кай-юань; данным девизом обозначались годы правления императора Сюань-цзуна начиная с 712 г., таким образом 712 + 20 дает 732 г. н. э. В тюркском тексте КТ в конце надписи перечислены три даты — смерти принца, совершения поминального обряда и освящения надписи и заупокойного храма — в счислении по животному циклу; последнее событие отнесено на «год обезьяны», а 732 г. также является «годом обезьяны».

Многие события, о которых говорится в тексте надписей, датированы путем указаний типа: «когда Кюль-тегину (или: „когда мне“, т. е. Бильге-кагану) было столько-то лет, произошло то-то и то-то». Благодаря упоминанию о возрасте Кюль-тегина в момент смерти и возможности вычислить дату его смерти (а следовательно, и рождения) по современному летосчислению через китайскую династийную дату все относительные хронологические указания текстов также получают абсолютную датировку (с точ-

⁵ В. П. Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. — СТОЭ. Вып. 3. 1897, с. 1—36.

ностью до года при переводе на современный календарь). Всего в текстах КТ и БК содержится полтора десятка дат. Хронологическая и событийная канва, обозначенная в надписях КТ и БК, совпала в ряде существенных моментов с рассказами китайских государственных хроник.

В отношении многих остальных рунических памятников можно сказать в общем, что содержащиеся в них различные даты по счислению животного цикла, упоминания возраста тех или иных лиц, а также всевозможные недатированные события получают достоверную хронологическую оценку в том случае, когда их удается соотнести с событиями, описанными в КТ и БК.

Таковы основные свойства текстов памятников КТ и БК, которые определяют исключительную ценность историко-филологического материала, предоставляемого ими в распоряжение исследователя, и выделяют их среди всех остальных рунических памятников, в том числе среди так называемых «больших» памятников, включая даже наиболее значительный по объему и содержанию «большой» памятник Тон.

Как указывалось выше, в рассматриваемых памятниках яснее, чем в других, проявляется внутренняя организация текста. Выявлению правил построения данных текстов благоприятствуют и все прочие позитивные факторы: нормированность языка, протяженность текстов, их связность и т. д. Однако если многие обстоятельства способствуют текстологическим штудиям, то есть нечто, что отчасти затрудняет их, что связано с пониманием, говоря общо, жанрового статуса текстов.

Тексты памятников КТ и БК являются поминальными надписями на стелах погребально-мемориальных комплексов, созданных соответственно в честь наследного принца Кюль-тегина и его старшего брата, правившего кагана Бильге. Жанром некролога определяется содержание текстов: сказать «доброе слово» о покойных. Этот бытующий и по сию пору обычай говорить об умершем только хорошо связан, как известно, с системой древнейших представлений о загробной жизни, о переселении душ покойников в иной мир, об их могуществе и способности влиять на дела «нашего» мира и необходимости вследствие этого оказывать им определенные ритуалом почести и знаки внимания. Живые славят дела покойных в «этом» мире, удостоверяя тем самым свою лояльность по отношению к ним; души покойных, ублажившись сказанным и сделанным в их честь, покидают (во многих верованиях обычно на 40-й день после смерти, отсюда известное празднование «сороковин») мир живых и, «не причинив вреда», «не взяв с собой кого-л.» и т. д., благополучно уходят в загробный мир. Таким образом, законы жанра определяют содержание некролога как «доброе слово» о жизни и делах покойного. При этом особенностью большинства древнетюркских эпитафий является то, что они

писаны от лица самих покойных, представляя как бы их собственную речь о своих заслугах (таковы БК, Тон, О, МЧ и многие енисейские). В свете сказанного о «присутствии» душ покойных в течение некоторого времени, до окончательного ухода в загробный мир, среди живых их «собственное» слово в погребальном обряде не может считаться неожиданным. В некоторых надписях, например в БК, О, есть вставки в текст или добавочные надписи от лица живых. КТ, по-видимому, один из немногих памятников, который написан как слово о покойном от лица живого.

Указанный характер содержания древнетюркских эпитафий очевиден в текстах КТ и БК: здесь приведены пространные жизнеописания Кюль-тегина и Бильге-кагана, воздана хвала их мудрости и героизму. Однако более близкое изучение текстов ясно показывает, что их содержание выходит за рамки некролога, хотя бы и весьма подробного, и имеет внушительное политическое звучание. Причем такое звучание приобретает не просто в силу большой общественной значимости деяний «героев» надписей, объясняемой их самым высоким положением в социальной иерархии; авторы текстов ставили перед собой определенную сверхзадачу. С учетом задачи и сверхзадачи содержание эпитафийных текстов можно обозначить как сочетание историографических повествований с этико-политическими прокламациями. Последние обращены прежде всего к правящему классу — к различному ранга бекам-князьям, предводителям родо-племенных объединений — и имеют целью убедить беков в исторической обусловленности и тем самым законности власти каганов, а также в обоюдной выгоде установленного порядка союзно-вассальных отношений. Обе эти политико-идеологические сентенции получают обоснование и иллюстрируются в историографических повествованиях. Повествования, несмотря на количественное преобладание и сюжетно-организующее значение в композиции текста, играют все же, несомненно, подчиненную по отношению к прокламативной части роль.

Стремление во что бы то ни стало убедить тех, к кому обращена надпись, — может быть, не столько убедить, сколько заставить проникнуться убежденностью автора, что не одно и то же, но равнозначно по цели — естественно приводило к необходимости воздействовать не только на разум, но и в меньшей степени на чувства читателя. Данная установка реализовывалась в особом эмоциональном построении текста, насыщении его метафорами, сравнениями, гиперболами и другими тропами.

Весь текст и КТ, и БК разбивается на повествовательные циклы. Я применяю этот термин, предложенный И. В. Стеблевой⁶, в ином,

⁶ И. В. С т е б л е в а. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, с. 8—9.

чем у нее, значения: для обозначения более крупных кусков текста, чем ее повествовательные циклы. И. В. Стеблева указывает, что Большая надпись в честь Кюль-тегина характеризуется тем, что «в ней содержится шесть вполне самостоятельных рассказов, последовательно расположенных один за другим»⁷. Вот именно эти «рассказы» мне показалось более целесообразным обозначить термином «повествовательный цикл».

Ниже дается перевод первого цикла (в собственной редакции), остальные циклы будут ради краткости экономно пересказаны.

Первый повествовательный цикл

(КТ₁) «Когда наверху было создано голубое небо, а внизу бурая земля, между ними были созданы сыны человеческие. Над сынами человеческими воцарились мои предки Бумын-каган, Истеми-каган. Воцарившись, они взяли в управление себе государство народа тюрок и установили в нем законы власти. (2) Все четыре страны света были им врагами; поведя войска, они захватили все народы четырех стран света, все их покорили, имевших головы они заставили их склонить, имевших колени они заставили опуститься на колени. Вперед (т. е. на восток), вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад), вплоть до Железных ворот, они расселили свой народ. Между двумя этими границами (3) царили они так — устраивая коренных тюрок, не имевших над собой властителя и племенной организации. Они были мудрыми каганами, они были храбрыми каганами, их приказные (т. е. военачальники и управители) тоже были мудрыми, храбрыми, а их беки — предводители племен и их народ были верными. Вот так они взяли в управление государство, а взяв в управление государство, установили законы власти. Прожив полную жизнь, они (4) скончались».

Далее в тексте говорится, что отдать траурные почести этим каганам пришло много народов: восточное государство Бёкклийской степи, табгачи, тюпюты, апары, пурумы, кыркызы, союз трех племен курыкан, союз тридцати племен татар, кидани, татабийцы — столь славные каганы были они. Затем в конце 4-й рунической строки словами: «После этого их младшие братья стали каганами, их сыновья стали каганами» — начинается новый повествовательный цикл.

Таким образом, мы можем выделить следующие элементы первого повествования: а) воцарение кагана (каганов); б) деяния военные и государственные; в) морально-этическая характеристика деятельности каганов и их личности; г) смерть и оказание траурных почестей.

⁷ Там же, с. 15.

Попутно заметим, что, рассказывая о своих легендарных предках, Могилян (Бильге-каган) упоминает реальную личность — Бумына, основателя Тюркского каганата (ум. в 552 г. н. э.). Такое непосредственное приближение исторической фигуры к событиям «начала мира» могло иметь только один смысл: оно должно было указывать на исконность, вечность власти правящего рода. Называя Бумына и Истеми своими родственниками, Могилян подчеркивал чисто генеалогическую (кровную, а потому неоспоримо законную) связь нынешней династии (отца Могиляна, дяди Могиляна и его самого) с Бумыном. Последнее могло иметь значение как в идеологическом плане — с точки зрения утверждения «законности» воцарения отца Могиляна, так и, несомненно, в плане политическом — для подкрепления гегемонистских притязаний данной династии в отношении ряда бывших вассалов династии Бумына. (Нет, не случайно так подробно перечисляются иностранные участники траурных торжеств первокаганов!)

Второй повествовательный цикл начинается с самого конца 4-й строки и продолжается по 10-ю. Деяния потомков первокаганов характеризуются негативно. И сами каганы, и их подчиненные и вассалы неразумны, немудры и неверны. В результате подстрекательской политики табгачей, вызывавших распри среди правящей верхушки и вооружавших друг против друга народ и правителей (КТ₆), тюркский народ потерял свою государственность, лишился самоуправления (букв.: «потерял свое устроенное государством государство, лишился своего возведенного в каганы кагана» — КТ₆₋₇) и стал зависимым от кагана (императора) Китая. В течение пятидесяти лет (с 630 г.) продолжалась эта зависимость. Затем глухо говорится, по-видимому, о восстании 679 г., после подавления которого положение тюрков еще более ухудшается. С фразы о вмешательстве богов, возвысивших для спасения тюрков отца Могиляна (11-я строка), начинается третий повествовательный цикл. Хотя во втором цикле нет формального упоминания о смерти предшествующих каганов, рубеж между вторым и третьим циклами выражен достаточно ясно.

Третий повествовательный цикл — строки 11—16 — посвящен отцу Могиляна. Здесь говорится о постепенном росте его дружины (сначала с ним было 17 мужей, затем 70, потом 700) — сюжет, используемый и в Тон. Заметим важное расхождение между этими памятниками: Тоньюкук говорит о том, что Ильтериш был шадом и лишь при его, Тоньюкука, прозорливости был провозглашен каганом (Тон₆); Могилян же сообщает, что его отец «сразу» был каганом, что он «устроил» тѣлисов и тардушей и дал им ябгу и шада (вероятно, ранги наместничества), что означало, по моему мнению, включение этих народов непосредственно в феодально-родовой домен правящего дома. Перечисляются народы, с которыми воевал отец, указывается число походов — 47 и сражений — 20.

Упоминанием о смерти отца и водружении ему балбала — предводителя токуз-огузов Баз-кагана — заканчивается третий цикл.

Здесь уже повествовательный цикл как композиционное целое дополняется следующими формальными приметам: в конце цикла подводится суммарный итог военных походов. Подобный же суммарный итог есть и в четвертом повествовательном цикле (стк. 16—24), посвященном каганству дяди Могиляна, и в пятом повествовательном цикле (стк. 25—29), посвященном нынешнему, продолжающемуся в момент рассказа, правлению самого Могиляна.

Шестой повествовательный цикл посвящен непосредственно Кюль-тегину — младшему брату Могиляна — и занимает 20 рунических строк (КТ₃₀₋₅₀). Границы его ясно обозначены упоминанием о смерти Кюль-тегина в начале и конце цикла. В цикле содержится (сохранилось) семь относительных дат: первая — «. . . когда умер мой отец, Кюль-тегин остался семи лет» (КТ₃₀; вычисляется 691 г.), последняя — «. . . когда Кюль-тегину было тридцать один год» (КТ₄₂; вычисляется 715 г.). Любопытно заметить, что и далее, в строках КТ₄₃₋₅₀, речь идет о событиях, которые происходили лишь до 716 г., что подтверждается сравнением с параллельным местом в БК₂₉₋₃₄. Кюль-тегин оказал великую услугу своим соплеменникам, защитив ставку в войне с огузами в 715 г. (716 г.?) (КТ₅₀; в БК₃₂₋₃₃ просто говорится, что войско трех огузов решило напасть на ставку). После этого (но не в результате данной войны) Кюль-тегин умирает. Как уже было сказано выше, это произошло в 731 г., т. е. еще через пятнадцать лет. Хочу обратить внимание, что в литературе данное обстоятельство не рассматривалось особо. Между тем дать сколько-нибудь приемлемые объяснения тому, что жизнеописание Кюль-тегина обрывается почти на половине, затруднительно. В БК шестой цикл, посвященный там самому Могилян, продолжается еще 17 строк (занимая БК₂₄₋₅₀) и содержит дополнительно шесть относительных дат, из которых две последние — «хронологический» итог жизни Могиляна: он сообщает, что 19 лет он был шадом, а 19 лет — каганом.

За шестым повествовательным циклом обоих текстов следуют так называемые «малые» надписи. В БК «малая» надпись расположена на правой узкой боковой грани (если смотреть на широкую лицевую грань). В КТ надписи боковых граней перепутаны местами, что совсем несложно установить из содержания самого текста КТ — по последовательности относительных дат: «когда Кюль-тегину было 26 лет. . .» (КТ₃₅), «когда Кюль-тегину было 27 лет. . .» (КТ_{b₂})⁸, а также благодаря сверке с аналогичным текстом в БК₂₄₋₃₄. Порядок следования текста на гранях определяется порядком следования строк: в КТ и БК строки идут сверху вниз и

⁸ Литерами *a* и *b* со времен В. В. Радлова обозначаются соответственно левая и правая боковые грани памятников.

справа налево. Поскольку текст на левой боковой грани продолжает содержание текста широкой лицевой грани, то началом может быть текст либо на лицевой грани, либо на правой боковой. Первоначально В. В. Радлов, В. Томсен и П. М. Мелиоранский определяли начало всего текста на широкой грани. Однако в последнее время в тюркологии сложилась практика, когда повествовательный цикл, содержащийся на правой боковой грани, или так называемая «малая» надпись, рассматривается как введение к «большой». Думается, это ошибочная практика, не принимающая в расчет не только фактическое положение данной части текста в общей структуре надписи⁹, но и не учитывающая весьма явных, на мой взгляд, резюмирующих черт его содержания.

По формальным приметам содержания «малая» надпись оформлена как повествовательный цикл. Начинается она с фразы о воцарении Могиляна. Далее следует обращение к феодальной верхушке государства с церемониальным перечислением по рангам, начиная с ближайшей родни кагана — его младших братьев. Затем в общей форме говорится о размерах империи («на востоке, на юге, на западе, на севере. . . столько народов я подчинил») и в общей же форме сказано о размахе военных предприятий Могиляна («на восток я ходил войной до Шантунга, на юг до „девяти эрсенов“ и т. д.). После этого в строках с 4-й до 8-й КТ (=БК_{3...}) излагаются весьма примечательные суждения относительно выгодного для тюрков характера взаимоотношений с Китаем. Остановимся на этой части текста подробнее. Сначала дадим некоторые поправки и толкования к переводу начальной фразы отрывка.

(КТ_{а₄}) ötüĕ(ä)n: j²išda: jig: idi jog: (ä)rm(i)s: il tuts(i)q: jir: ötüĕ(ä)n: j²iš (ä)rm(i)š: bu jirdä: ol(u)r(i)p: t(a)bγ(a)ë: bod(u)n: birlä: (КТ_{а₅}) tüz(i)lt(i)m. «Раньше в Отыюкенской черни не было хорошего владителя, но земель, способной хранить племенной союз, была именно Отыюкенская чернь. Воцарившись на этой земле, я уладил дела с народом табгач».

В переводе С. Е. Малова (и основывающихся на нем толкованиях и «дочерних» переводах) есть две неточности. Приведу его перевод полностью: «(Во время этих походов) в Отыюкэнской черни не было хорошего (т. е. настоящего) владыки, но Отыюкэнская чернь была (именно) странкою, в которой (можно было) созидать племенной союз. В этой (то) стране засев (т. е. основавшись), я связал свою жизнь (и жизнь народа) с народом табгач»¹⁰. Первая неточность касается понимания временного периода, когда в Отыюкенской черни не было «настоящего владыки». Предыдущая фраза

⁹ Как мне кажется, чисто психологически невозможно было бы в тексте КТ перепутать местами надписи узких граней, если бы одна из них была начальной.

¹⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 34.

говорит о широкой географии походов Могиляна. Но увязывание следующей фразы с предыдущей путем добавления: «(Во время этих походов). . .» — неверно, так как фраза об отсутствии властителя выражена в форме на *-мыш*, что точно указывает на прошлое, свидетелем которого не был Могилян, либо на которое он не мог влиять и потому не причисляет себя к его действующим лицам, т. е. по логике ситуации речь идет о времени до воцарения Могиляна (что обозначено в моем переводе словом «раньше»).

При указанной поправке становится ясным, что в заслугу себе Могилян ставит перевод подвластных ему племен и центра государства — ставки — на земли Отюкена. Последнее — о ставке — ясно из выражения *bu jirdä olurġir*, в котором глагол *olur-* 'сидеться', оседать' в применении к действиям кагана всегда имеет значение «садиться на трон, начинать царствовать, воцаряться». Следовательно, в данном контексте выражение «воцарившись на этой земле» можно без натяжек понимать как «основав центр своего государства с начала царствования на этой земле».

В последней фразе цитируемого перевода С. Е. Малов следует собственной предположительной разбивке на слова, которую он в транскрипции давал со знаком вопроса: «. . . *tüzältim* (так П. М. Мелиоранский. А нельзя ли: *ät öz iltim?*)». Буквальный перевод: «с народом табгач я зацепил [свое] тело». Выходит все же несколько искусственно и синтаксически (прицеплять что-либо к чему-либо — вряд ли здесь уместно дополнение с послелогом *бирlä*, выражающим инструментальное либо совместное значение), и семантически («прицеплять тело» > «связывать жизнь» — ?).

Думается, все же следует вернуться к рассмотрению данной группы букв как пассивного по форме, медиального по значению глагола *tüzül-* 'улаживаться (о делах в государстве)' (см. ДТС, 602 и 603), т. е. буквальный перевод фразы: «с народом табгач я „уладился“ (или: уладил дела)»¹¹. С другой стороны, первоначальный перевод В. В. Радлова: «я заключил с китайским народом договор»¹² — домысливает конкретное содержание фразы, не равное ее языковому значению.

Далее содержание текста посвящено анализу взаимоотношений с Китаем.

«(КТа₅) У народа табгач, дававшего [окружавшим его народам] без печали столько золота, серебра, хмельных напитков, шелка, речи всегда были сладкие, а дары — мягкие. Обманывая сладкими речами и мягкими дарами, он так приближал к себе далекие на-

¹¹ Предложенный И. В. Стеблевой перевод «с народом табгач я сравнялся (?)» (И. В. Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы, с. 11), ориентированный на прямое (непереносное) значение глагола, не дает осмысленного перевода, как это и следует из знака вопроса автора.

¹² В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. — СТОЭ. 4. СПб., 1897, с. 38.

роды, они же, после того как поселялись вблизи него, усваивали там дурные знания. (КТа₆) Людей добромыслящих, истинных героев он не мог стронуть с места, и даже если кто-то ошибался, то его племя, его народ вплоть до его свойственников не преступали границы. Дав обмануть себя его сладкими речами и мягкими дарами, ты во множестве погибал, тюркский народ. Когда часть тебя, тюркский народ, говорила: „не на юге, в Чугайской черни, на северной (КТа₇)¹³ равнине поселюсь я“, — то эту часть тюркского народа дурные люди в этом случае так наставляли: „если быть далеко, плохие дары даст [народ табгач], если рядом быть, хорошие дары даст“ — так наставляли. Люди, не понимающие мудрости, восприняв эти речи, уходили близко к нему, и ты во множестве погибал».

Хочу обратить внимание, что именно здесь заканчивается применение формы на *-мыш*. Иногда данное обстоятельство затушевывается вкраплением в данный отрывок (дважды) формы *олтиг* 'ты умер, погиб', не имеющей «заглазного» значения. Однако необходимо помнить, что в языке памятников форма на *-мыш* еще не имела личного спряжения и употреблялась в функции финитного глагола только в 3-м лице единственного числа¹⁴. Поэтому во 2-м лице она заменялась нейтральной в отношении модальности претеритной формой, которая в таком контексте брала на себя передачу указанной модальной функции. Если принять сказанное, станет ясно, что содержание только что приведенного отрывка относится ко времени до самостоятельного правления Могияля и составляет контрастный исторический фон по отношению к его предпрятию по перебазированию центра кочевой империи в Отюкен. Фраза же об этом предпрятии на указанном фоне получает развитие в следующих строках.

«(КТа₈) Если, тюркский народ, ты пойдешь в те земли [вблизи народа табгач, см. предыдущий текст, КТа₇], ты непременно погибнешь. Если ты, живя в Отюкенской черни, [только] посылаешь караваны [за данью], у тебя совсем нет забот. Если ты живешь в Отюкенской черни, то ты непременно будешь жить, сохраняя свой вечный племенной союз».

Именно в приведенном отрывке излагается политико-стратегическая концепция «отстояния» тюрков от Китая. Учитывая связь этого отрывка с фразой о переводе Могиялем своей ставки в Отюкен, можно уверенно сказать, что, следовательно, данная сентенция принадлежит лично Могиялю. Поскольку с «отстоянием» или приближением к Китаю Могияль постоянно связывает

¹³ Мне кажется, что здесь *түн жазы* употреблено не как топоним, а как нарицательное обозначение северных отдаленных земель по отношению к пограничной к Китаю Чугайской черни.

¹⁴ В. Г. К о н д р а т ь е в. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 33.

коренные вопросы жизни и смерти тюркского народа, постольку указанная мысль является одной из центральных и наиболее общих и приобретает поэтому значение политического кредо (или даже политического завещания — для текста БК).

Представляется, что в силу рассмотренного общеоценочного характера содержания «малых» надписей они, скорее всего, являются не вводной, а итоговой частью текста памятников, его седьмыми повествовательными циклами.

Завершаются седьмые циклы характерной для конца повествовательного цикла приметой — упоминанием о сооружении погребального комплекса, датах смерти, похорон и т. д. В БК по сравнению с КТ перед заключительным формальным элементом цикла содержится небольшое добавление с повторением общей положительной оценки царствования, а также с сообщением об обмене брачными союзами с каганом тюркшей, что приравнялось к мероприятиям общеполитического характера.

Таким образом, в КТ Могилян у посвящены 5-й и 7-й циклы, а в БК — 5-й, 6-й и 7-й. Пятые циклы кратко сообщают о воцарении, о походах против конкретных народов и положительном их значении, а также о суммарном итоге — 22 сражения. Наиболее подробно рассказывается о войнах в цикле 6-м БК (цикл 6-й в КТ посвящен Кюль-тегину), где приводится и «окончательный» итог — 31 сражение. Седьмые циклы содержат общую панораму походов, общую оценку царствования и общую политическую концепцию.

Таким образом, крупные структурные части текста, «рассказы», посвященные определенной эпохе или времени правления определенного кагана, обладают рядом сходных черт в организации своего содержания. Это выражается в том, что во всех таких рассказах выделяются начало и конец, а также событийная часть. А потому предпочтительнее было закрепить это в термине «повествовательный цикл».

Повествовательные циклы по естественному движению рассказа от начала к концу выдержаны в плане реальной очередности событий. В общей структуре текста циклы также сменяют друг друга от более ранних исторических эпох и личностей к более поздним. Это и создает хронологическую последовательность содержания текстов, являющуюся важнейшей предпосылкой использования их как исторических источников.